

БОЛЬНОЙ ЦѢЛИТЕЛЬ.

(О Шлаттерѣ).

Тогда если кто скажетъ вамъ: вотъ, здѣсь Христосъ, или тамъ: не вѣрьте. Ибо возстанутъ лжехристы и лжепророки, и дадутъ великія знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ. Вотъ, Я напередъ сказалъ вамъ. Итакъ, если скажутъ вамъ: вотъ, Онъ въ пустынь, не выходите; вотъ, Онъ въ потаенныхъ комнатахъ, не вѣрьте. Мѡ. 24. 23—26.

Возлюбленные! не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они: потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ. 1 Іоан. 4, 1.

Давно, давно въ языческомъ мірѣ люди провозгласили признакомъ истинной мудрости *nil admirari*. Удивленіе есть признакъ невѣжества или непониманія, мудрецъ долженъ все понимать, все предвидѣть и, слѣдовательно, быть ко всему готовымъ. Здѣсь нѣтъ мѣста удивленію. Но если люди, желавшіе прослыть мудрыми, издавна находили неловкимъ обнаруживать свое удивленіе, то также издавна всѣ постоянно стремились находить что-нибудь такое, чему должно бы было удивляться. Невѣроятное, необычное, чудесное всегда имѣло и имѣетъ въ глазахъ людей особую прелесть. Къ рассказамъ о чудесномъ человѣческомъ вниманіи всегда направляется точно также, какъ магнитная стрѣлка къ полярной звѣздѣ. Это вниманіе жадно насторожилось нѣсколько времени тому назадъ, когда въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ появились статьи, сообщающія, что по ту сторону океана появился пророкъ и чудотворецъ,

совершающій исцѣленія совершенно подобныя тѣмъ, о которыхъ намъ повѣствуетъ Евангеліе, и хотя оказалось, что чудотворецъ исчезъ ранѣе, чѣмъ о немъ заговорили, о немъ продолжаютъ—правда, уже не такъ горячо и много—говорить и спорить и теперь. Свѣтскіе люди заинтересовались страннымъ чудотворцемъ и отъ богослововъ начали требовать, чтобы они высказали о немъ свое мнѣніе. Настоящая статья и представляетъ собою удовлетвореніе этого требованія.

Двѣ большія русскія газеты посвятили двѣ большія статьи американскому пророку. Прежде всего о немъ заговорило „Новое Время“. Парижскій корреспондентъ газеты помѣстилъ въ ней статью „Американскій пророкъ“ ¹⁾, представляющую сокращеніе статьи Фино въ „Revue des Revue“—„Шлаттеръ—человѣкъ чудесъ. Вотъ, что Фино, а затѣмъ г. Носиловъ рассказываютъ намъ объ этомъ человѣкѣ. Шлаттеръ родился въ Эльзасѣ въ 1855 г., когда Эльзасъ принадлежалъ еще французамъ. Переселясь въ Америку, онъ занимался разными ремеслами до тѣхъ поръ, пока, проснувшись однажды утромъ, не почувствовалъ себя святымъ человѣкомъ. Босой, съ открытой головой, въ странной одеждѣ, съ распущенными длинными волосами, съ восторженнымъ видомъ онъ пошелъ тогда въ пустыни Америки, проповѣдуя любовь къ Богу и миръ душамъ. Онъ говорилъ про себя, что онъ простой (?) посланникъ неба. Его посадили въ тюрьму. Арестанты сначала глумились надъ его проповѣдью, но видя, что онъ продолжаетъ молиться и въ тюрьмѣ, какъ онъ это дѣлалъ повсюду на своемъ пути, видя, что онъ исцѣлялъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, они пришли въ недоумѣніе. Онъ былъ освобожденъ. Тогда онъ направился прямо (?) въ пустыни Техаса. Его странный костюмъ, длинные волосы, босыя ноги во всякое время года, обнаженная голова, постоянная молитва на устахъ, сіяющее лицо необыкновенно привлекали къ нему народныя толпы. Нѣкоторые даже считали его за воскресшаго (?) Ілію. Но самъ онъ, вѣчно скромный, болѣе молчаливый, постоянно молящійся, не обижающійся даже на тѣхъ, кто его ругалъ, надъ нимъ глумился, никогда не

¹⁾ „Новое Время“ 27-го февраля (10 марта) 1896 г. № 7183.

говорилъ о себѣ, какъ о простомъ посланникѣ неба. Обращаясь къ толпѣ, онъ только говорилъ ей: „слушайте и идите за мною“. И за нимъ шли цѣлыя селенія. Къ нему приходили слѣпые, хромые, уроды, глухіе, паралитики и было достаточно одного его прикосновенія, соединеннаго съ призываніемъ къ вѣрѣ въ Бога, какъ ихъ болѣзнь мгновенно проходила или они получали видимое облегченіе. Онъ говорилъ, что они исцѣляются не имъ, а своей вѣрой въ Бога, и все зависитъ только отъ нея. Онъ былъ посаженъ въ сумасшедшій домъ, откуда вышелъ окруженный еще большимъ величіемъ и уваженіемъ. Проходя по селеніямъ Калифорніи, онъ всюду привлекалъ къ себѣ народъ: къ нему выносили больныхъ и онъ изцѣлялъ ихъ, приводили дѣтей, которыхъ онъ благословлялъ. Нѣсколько недѣль въ одномъ мѣстечкѣ онъ пробылъ въ качествѣ простаго пастуха, затѣмъ направился къ индѣйскимъ племенамъ; онъ возбудилъ энтузіазмъ и между ними, и толпы дикарей окружали его, стараясь по крайней мѣрѣ прикоснуться къ его одеждѣ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1895 г. онъ поселился въ Дэнверѣ, одномъ изъ городовъ штата Колорадо. Старшина этого города Фоксъ, исцѣленный Шлаттеромъ отъ глухоты, предложилъ ему большую сумму денегъ, но тотъ отказался, тогда Фоксъ предложилъ ему гостепрїимство, и Шлаттеръ поселился у него въ небольшомъ домикѣ, осчастлививъ тѣмъ хозяина и городъ. Здѣсь его слава достигла наибольшей высоты. Его квартира была рѣшительно осаждена больными и желающими его видѣть. Желѣзныя дороги не успѣвали подвозить желающихъ попасть въ Дэнверъ, гостинницы въ немъ были переполнены, ежедневно къ Шлаттеру приходило до 5000 человекъ. Къ нему собиралась бездна больныхъ, глухихъ, уродовъ, паралитиковъ, чахоточныхъ, слѣпыхъ, и онъ изцѣлялъ ихъ не только прикосновеніемъ своей руки, но даже одною перчаткой, которую передавалъ въ толпу. На полу его комнаты были горы перчатокъ, которыя потомъ раздавались толпѣ. Онъ говорилъ, что нѣтъ нужды ему прикасаться ко всякому желающему исцѣленія, все дѣло въ вѣрѣ, и достаточно одной перчатки, къ которой онъ прикоснулся, для исцѣленія многихъ и что къ перчаткѣ онъ прибѣгалъ только для того, чтобы возбудить вѣру въ невѣрующей толпѣ. Онъ изцѣлялъ

отъ 3 до 5 тысячъ въ день. Слѣпые уходили отъ него зрячими, глухіе слышали, сторбленные распрямлялись, безногіе вставали и шли, его слава разрасталась въ пѣчтѣ колоссальное, толпа превозносила его, насколько могла. Ему устраивали торжественныя процессіи, ему поклонялись, про него говорили, что онъ дѣйствительно посланникъ Бога. Онъ не бралъ ни денегъ, ни вознагражденія, ни подарковъ. „На что они мнѣ, говорилъ онъ, когда ему протягивали деньги, развѣ я нуждаюсь въ нихъ. развѣ Отецъ небесный не далъ бы мнѣ все это, если бы было дѣйствительно нужно. Единственное богатство, это — вѣра, и я вѣрю въ Отца небеснаго всей моею искренней душой“. Однажды, когда онъ былъ окруженъ громадною толпою, рассказываютъ, къ нему приблизилась одна личность. „Уйди отсюда, вскричалъ онъ на нее, ты—убійца!“ И личность въ ужасѣ ужалилась. И народъ говорилъ, что онъ не хочетъ исцѣлять злыхъ людей. Ему посылали бездну подарковъ, но онъ немедленно отправлялъ ихъ обратно пославшимъ. Его безкорыстію засвидѣтельствовано всѣми. Его осаждали репортеры америкапскихъ газетъ, надъ нимъ наблюдали, и ни одна газета не могла сказать о немъ, что онъ эксплуатируетъ, но всѣ утверждали, что онъ исцѣляетъ и дѣлаетъ настоящія чудеса одной своей вѣрой, возбуждая ее въ толпѣ.

Въ американскихъ газетахъ приводятся безчисленныя сообщенія объ исцѣленіяхъ совершенныхъ „святымъ человѣкомъ“, сообщенія повидимому заслуживающихъ безусловнаго довѣрія очевидцевъ. По этимъ сообщеніямъ слѣпота, глухота, все исчезало безслѣдно подъ рукой этого человѣка, все равно какъ простой мигрень подъ вліяніемъ антипирина. Г-жа Сноокъ, страдая нѣсколько мѣсяцевъ ракомъ, послала Шлаттеру перчатку и достаточно было послѣ того прикоснуться къ ней, чтобы болѣзнь прошла, инженеръ Порри былъ мгновенно вылеченъ отъ катаракты, одинъ безногій (?) сталъ ходить на глазахъ этого чудотворца, инженеръ Штенторпъ—слѣпой сталъ видѣть въ одинъ день, Диллонъ горбатый уже много лѣтъ выпрямился однимъ движеніемъ. Когда „святой человѣкъ“ прикасается къ больному, то его сначала пронизываетъ жаромъ. Пальцы неподвижныя много лѣтъ (при параличѣ) сразу приходятъ въ движеніе, и какая то необыкновенная легкость распространяется по всему

тѣлу и человѣка охватываетъ счастье и вѣра. Чудеса Шлаттера увеличивались по мѣрѣ того, какъ увеличивалась вѣра въ толпѣ. Казалось, для него дѣйствительно не было ничего невозможнаго. Нѣкоторые уже провозгласили его за Христа. Толпа народа ждала отъ него какого-нибудь необыкновеннаго чуда, и Шлаттеръ, кажется, отуманенный такой славой, такимъ поклоненіемъ, рѣшился доказать ей, что онъ посланникъ Бога. Въ одно утро онъ объявилъ собравшейся толпѣ, что онъ — Христось; что онъ посланъ съ неба спасать современниковъ. Онъ объявилъ, что будетъ поститься сорокъ сутокъ. И постъ дѣйствительно начался. Окруженный своими вѣрными репортерами газетъ онъ началъ постъ, не преставаая въ то же время непрерывно расточать исцѣленія всѣмъ, кто къ нему обращался за помощью. Онъ молился, взывалъ къ вѣрѣ въ Бога, говорилъ, что въ ней вся сила, въ ней одно спасеніе. Онъ благословлялъ толпу. И по мѣрѣ того, какъ онъ худѣлъ, какъ глаза его вкатывались, дѣлались страшными, толпа еще больше стремилась къ нему, и многіе уже начинали вѣрить, что онъ дѣйствительно Христось, тѣмъ болѣе, что его лицо, длинные волосы дѣйствительно напоминали собою изображенія Спасителя. Постъ продолжался дѣйствительно сорокъ дней, и когда по окончаніи ихъ Шлаттеръ сѣлъ подкрѣпить свои упавшія силы, энтузіазмъ толпы, кажется, превзошелъ все раньше случившееся. Жадность, съ которой онъ набросился на кушанья, даже вызывала въ толпѣ боязнь за его здоровье. Когда публицистъ Мэкъ болѣе привыкшій къ нему замѣтилъ ему—не будетъ ли ему это нездорово послѣ поста, Шлаттеръ отвѣтилъ ему: „имѣй вѣру. Отецъ, который позволилъ мнѣ поститься сорокъ дней, не престанетъ заботиться о своемъ сынѣ“. Вскорѣ послѣ этого Шлаттеръ исчезъ. Утромъ 14-го ноября, когда къ Шлаттеру вошелъ давшій ему помѣщеніе Фоксъ, онъ нашолъ его комнату пустою. Шлаттеръ исчезъ въ той самой одеждѣ, въ которой пришелъ, въ которой его всѣ видѣли. Всѣ поиски были напрасны. Отъ него осталась только коротенькая записка на англійскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія: господинъ Фоксъ, моя миссія кончена. Отецъ меня зоветъ къ себѣ. Привѣтствую Васъ. Францискъ Шлаттеръ. 13-ноября.

Дополнительныя свѣдѣнія къ сообщеннымъ въ „Новомъ

Времени“ находимъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ ¹⁾. Редакція послѣдней газеты однако оговаривается, что печатаемое ею письмо получено еще въ ноябрѣ, но что сообщившій его въ редакцію не желалъ воспользоваться имъ для печати ранѣе, чѣмъ въ Россіи заговорятъ объ американскомъ цѣлительѣ. Статья въ „Новомъ Времени“ дала ему на это право. Относительно исчезновенія Шлаттера, говоритъ авторъ письма изъ Америки, многіе думаютъ, что онъ покончилъ съ собою самоубійствомъ, но многіе—большинство—у насъ думаютъ, что онъ еще появится. Вы напрасно называете, продолжаетъ авторъ, Шлаттера пророкомъ. Онъ никогда ни о чемъ не пророчествовалъ и ничему не поучалъ; онъ вообще говорилъ очень мало, больше довольствуясь отвѣтами на предлагаемыя ему вопросы. Называйте его цѣлителемъ, это будетъ вѣрно. Исцѣлялъ онъ на глазахъ у тысячъ народа тысячи больныхъ. И не только просто больныхъ временными недугами, но страдавшихъ хроническими, многолѣтними болѣзнями и уродствами: глухихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, горбатыхъ. Онъ исцѣлялъ, не спрашивая ни о лицахъ, ни о болѣзняхъ, онъ бралъ за руку или клалъ руку на голову приходившихъ и молился; если больной былъ далеко, онъ молился надъ какою-либо вещью: надъ перчаткой его, надъ платкомъ и, возвращая ихъ, возвращалъ вмѣстѣ съ ними и здоровье. Онъ исцѣлялъ всѣхъ (?) и вездѣ. На вопросъ—кто онъ и какою силою творитъ чудесныя исцѣленія, онъ отвѣчалъ: „Францискъ Шлаттеръ родомъ изъ Эльзаса; но во мнѣ духъ Божій,—онъ исцѣляетъ и творитъ чудеса. Ваша вѣра и моя вѣра творятъ ихъ, а не я! Всѣ мы—дѣти одного Отца!“ послѣднія слова его любимое выраженіе.—„Какъ Вы это дѣлаете?“ спросилъ Шлаттера человекъ, котораго онъ взялъ за руку и который почувствовалъ, что по всѣмъ членамъ его струится тепло, будто токи электричества пробѣгаютъ по тѣлу.—„Что, съ всегдашней невозмутимой кротостью спросилъ Шлаттеръ—я только молюсь и вѣрю, твердо зная, что исцѣленіе придетъ. Впрочемъ тутъ нѣтъ моей силы. Когда отецъ даетъ ее мнѣ, я ее имѣю; когда не дастъ, я не буду ее имѣть. Господь—педатель всяческихъ, все зависитъ отъ Его даяній“.

¹⁾ Письмо изъ Америки о Шлаттерѣ. В. 1896 г. № 83. Середа 27 Марта.

Авторъ письма номѣщенного въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ самъ принадлежитъ къ числу исцѣленныхъ Шлаттеромъ. Прочитавъ въ газетахъ въ ряду другихъ сообщеній сообщеніе объ исцѣленіи Шлаттеромъ застарѣлаго ревматизма и самъ страдая имъ, спѣ рѣшилъ попытать счастья и отправился въ Дэнверъ. „Подъѣзжая къ городку, рассказываетъ онъ, я замѣтилъ необычайное движеніе въ его окрестностяхъ, а проѣхавъ его, попалъ въ цѣлую вереницу пѣшеходовъ, верховыхъ и экипажей, стремившихся къ коттеджу Фокса. Не доѣзжая далеко, я долженъ былъ выйти изъ повозки и слѣдовать пѣшкомъ, шагъ за шагомъ, за толпой всѣхъ возрастовъ и общественныхъ классовъ. Я шелъ, издали глядя на высокаго человѣка съ небольшою бородою и длинными волосами, падавшими ему на плечо. Лицо его было благообразно, взглядъ спокоенъ и глубокъ; вся фигура дышала кроткимъ, невозмутимымъ спокойствіемъ, котораго не нарушали ни возгласы изумленія при облегченіи страдальцевъ къ нему прикасавшихся, ни ихъ благодарственные и радостные крики и гомонъ, когда они, уступая мѣста другимъ, удалялись восторженно, часто со слезами передавая другъ другу свои ощущенія“. Одѣтъ Шлаттеръ былъ въ длинное, простое, свободное платье, нѣчто въ родѣ пальто застегнутаго до низу большими пуговицами. Голова его была непокрыта и ноги необуты, ткань его поношенной одежды была слишкомъ легкою. Держа на рукахъ младенца, цѣлитель устремилъ глаза на небо повидному совсѣмъ безучастно, хотя губы чуть чуть шевелились, шепча слова молитвы. Раньше неумолчно кричавшій младенецъ теперь умолкалъ засыная и по лицу его—по свидѣтельству близъ стоявшихъ—разливался по всей вѣроятности давно непоказывавшійся румянецъ. О своемъ исцѣленіи авторъ рассказываетъ слѣдующимъ образомъ... „Пришла и моя очередь... Я подошелъ съ сильно бившимся сердцемъ, ничего не говоря, но безмолвно молясь, стараясь всѣ помыслы свои сосредоточить на молитвѣ и на твердомъ убѣжденіи, что и мнѣ будетъ явлена Божія помощь чрезъ этого избраннаго человѣка. И что же! Не прошло и минуты, какъ я почувствовалъ необыкновенный жаръ въ больныхъ членахъ, въ рукѣ и ногѣ, которыя часто заставляли меня переносить тяжкія муки. Я ни съ чѣмъ не могу сравнить это ощущение

ніе какъ съ чувствомъ будто бы проливаемыхъ по всѣмъ жиламъ моимъ жизненныхъ силъ и здоровья... За минуту еще я совсѣмъ не имѣлъ силы въ правой больной рукѣ; теперь я отвѣчалъ на пожатіе Шлаттера сильнѣе, чѣмъ самъ онъ сжималъ мои пальцы. Онъ сказалъ: я надѣюсь, что боли васъ больше не будутъ беспокоить. И точно: съ тѣхъ поръ ревматическія страданія меня оставили“. Каждымъ паціентомъ Шлаттеръ занимался не болѣе двухъ-трехъ минутъ. Хотя были такіе, которымъ онъ говорилъ: „возвращайтесь, сразу я не могу исцѣлить васъ“. Но большинство излечивалось отъ одного прикосновенія. По временамъ онъ глубоко вздыхалъ; но увѣрялъ, что это не отъ усталости, что онъ напротивъ никогда не чувствуетъ себя такимъ бодрымъ и полнымъ силъ, какъ послѣ шести или и семичасовой работы. Хотя иногда ему и приходилось сильнѣе сосредоточивать волю. Это было замѣтно по глубокой складкѣ появлявшейся между бровей его, по дрожанію вѣкъ его крѣпко закрытыхъ глазъ. „О еслибы люди имѣли болѣе довѣрія, еслибы они имѣли болѣе силы и упованія!“ говорилъ онъ тогда. „Вдвоемъ легче достигать благихъ результатовъ. Жаль, что вы не можете вѣрить, сказалъ онъ одному пожилому человѣку. Пока шли исцѣленія хозяинъ съ двумя тремя друзьями отбирали у желающихъ предметы, до которыхъ затѣмъ въ теченіи вечера и ночи Шлаттеръ притрогивался съ молитвой“. Меня увѣряли многіе, говоритъ авторъ, что платки и перчатки nobывавшіе въ рукахъ у него имѣли такое же благотворное вліяніе на страданія человѣческія, какъ и самое прикосновеніе его рукъ“.

Авторъ передаетъ разговоръ съ Шлаттеромъ слышанный имъ у Фокса, съ которымъ авторъ былъ знакомъ. Столъ былъ накрытъ для ужина въ комнату вошелъ и Шлаттеръ и сѣлъ съ видомъ человѣка довольнаго денными трудами и возможностью отдохнуть, но отнюдь не особенно усталаго.... Его спросили—различаетъ ли онъ различные недуги, которые исцѣляетъ.

— Я знаю о нихъ, когда больные сами ихъ помнятъ, но необходимости въ этомъ не имѣю. Мнѣ все равно. Я взываю всѣми помыслами, всею волей, всѣмъ желаніемъ къ помощи Вышняго—и получаю ее. Чѣмъ проще и сильнѣе вѣра больного, тѣмъ легче приходитъ исцѣленіе.. Съ нѣ-

которыми труднѣй... Не ко всѣмъ здоровье возвращается сразу... Надъ иными надо затрачивать много силъ, но благодареніе Отцу моему онѣ быстро восстанавливаются.

Разговаривая онѣ все время работала надъ перчатками и платками, которыхъ едвали было менѣе тысячи.

— Скажите, какъ эта сила цѣленія пришла къ вамъ?

— Не знаю. Я въ одно утро молился. Кто то подошелъ ко мнѣ, прося помощи! Я пожелалъ горячо убѣжденный что по вѣрѣ дается исцѣленіе, и оно далось! Съ тѣхъ поръ ко мнѣ приходятъ, я молюсь, а молитвы мои даютъ недужнымъ здоровье.

— Почему вы не обуваетесь и не покрываете головы?

— Не нахожу въ этомъ нужды. Я здоровъ и не страдаю ни отъ холода, ни отъ жара.

— Вы не бываете никогда больны или печальны?

— Да, я былъ печаленъ, когда меня заключили въ тюрьму и не давали мнѣ Библии... Я просидѣлъ почти полгода въ тюрьмѣ и чувствовалъ, что могу заболѣть отъ этого лишенія... Невозможность молиться была мнѣ тяжелѣе тѣлеснаго наказанія.

— Не ужели васъ били?.. Но за что же?

Шлаттеръ пожалъ плечами, кротко улыбаясь.

— Меня связали по рукамъ и ногамъ и дали пятьдесятъ ударовъ ремнемъ. Я потомъ опять былъ арестованъ въ іюнѣ или іюль 1891 г. въ Техасѣ, въ Строкмортонѣ, потому что меня приняли за бродягу. Я тамъ сидѣлъ на лѣсной опушкѣ, а народъ изъ города повалилъ ко мнѣ, потому что мнѣ посчастливилось излечить двухъ или трехъ особъ, которыя пошли и рассказали объ этомъ. Пришли полицейскіе и взяли меня. Тамъ въ острогѣ меня спросили, хочу ли я подвергнуться заключенію или дамъ слово тотчасъ оставить городъ. Я общался уйти и ушелъ.

— Какое было ваше самое замѣчательное исцѣленіе?

— Право, не могу сказать, я никогда не замѣчалъ.

На вопросъ, каковы его планы и куда онѣ намѣренъ отправиться изъ Дэнвера? Шлаттеръ отвѣчалъ, что плановъ никогда не имѣетъ и составлять таковыхъ не можетъ: онѣ не своею волею живетъ и дѣйствуетъ.

— Я поступаю по волѣ Отца моего. Я здѣсь останусь и буду лечить народъ, пока Онѣ не укажетъ мнѣ новаго

пути. Если буду направленъ къ востоку, пойду въ Нью-Йоркъ, въ Чикаго, мнѣ безразлично... Думается мнѣ однако, что не останусь здѣсь долѣе половины ноября... Надо будетъ нѣсколько дней отдохнуть. Вѣрнаго ничего не знаю“.

Этотъ разговоръ происходилъ 28 сентября (Н. С.), а 14 ноября Шлаттеръ исчезъ безслѣдно.

Первый вопросъ, который вызываютъ приведенныя повѣствованія, естественно заключается въ томъ—насколько правдивы эти повѣствованія? Уже въ самихъ себѣ они носятъ явные слѣды того, что ихъ авторы не только не думали о критическомъ отношеніи къ предмету и о строгой точности сообщенія, но напротивъ явно обнаруживаютъ желаніе авторовъ, какъ можно болѣе поразить читателей безъ заботы даже о внѣшнемъ правдоподобіи разсказа. Такъ фельетонистъ „Новаго времени“, сообщивъ, что Шлаттеръ „говорилъ про себя, что онъ простой посланникъ неба“, немногими строками ниже сообщаетъ, что Шлаттеръ“ никогда не говорилъ о себѣ, какъ о простомъ посланникѣ Бога“. Авторъ статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ изображаетъ Шлаттера святымъ чудотворцемъ, съ этимъ изображеніемъ нисколько не гармонируетъ его сообщеніе, что многіе думаютъ, что Шлаттеръ покончилъ самоубійствомъ. Статья „Московскихъ Вѣдомостей“ вызываетъ еще и хронологическое недоумѣніе. Редакція дѣлаетъ примѣчаніе, что статья (письмо) получена еще въ ноябрѣ. Какъ могла она быть получена такъ рано, когда она представляетъ собою отвѣтъ на вопросъ, „куда дѣвался Шлаттеръ и найдены ли слѣды его исчезновенія“. Шлаттеръ исчезъ 2-го ноября нашего стиля. Для того, чтобы частное сообщеніе восточныхъ штатовъ достигло Москвы, письмо изъ Москвы по поводу этого сообщенія достигло штатовъ, и отвѣтъ изъ штатовъ пришелъ въ Москву, нужно гораздо болѣе четырехъ недѣль. У автора статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ замѣчается стремленіе представить личность Шлаттера какъ можно болѣе свѣтлою, онъ говоритъ, что Шлаттеръ испѣлялъ *всякъ* и вездѣ, но изъ его же дальнѣйшихъ словъ видно, что онъ не только испѣлялъ, но и обличалъ не всѣхъ. Авторъ умалчиваетъ о томъ, что Шлаттеръ провозгласилъ себя Христомъ, провозглашеніе, которое и вѣрующихъ и не вѣрующихъ во Христа одинаково должно убѣ-

дить въ психической ненормальности Шлаттера. Между статьями „Новаго Времени“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ замѣчается явное разногласіе и во взглядѣ на личность Шлаттера и въ описаніи и оцѣнкѣ его дѣятельности. „Новое Время“ считаетъ Шлаттера больнымъ, „Московскія Вѣдомости“ — святымъ, — „Новое Время“ говоритъ, что Шлаттеръ проповѣдывалъ любовь къ Богу и миръ душамъ и обращался къ толпѣ съ призывомъ: „слушайте и идите за мною“. „Московскія Вѣдомости“ говорятъ, что Шлаттеръ ни о чемъ не поучалъ; онъ вообще говорилъ очень мало“. „Московскія Вѣдомости“ въ чудесахъ Шлаттера видятъ дѣйствительныя чудеса, „Новое Время“ признаетъ въ нихъ фактъ еще не объясненный, но объяснимый.

Если мы примемъ во вниманіе, что газетныя статьи уже давно въ качествѣ историческаго и біографическаго матеріала признаются имѣющими весьма малое значеніе, что газетныя очевидцы, хотя бы именуемые американскими генералами и инженерами, только повидимому, а не на самомъ дѣлѣ заслуживаютъ довѣрія, что чудеса, о которыхъ намъ говорятъ, отдѣлены отъ насъ уже довольно значительнымъ временемъ, громаднымъ пространствомъ и что, наконецъ, они происходили въ наименѣе культурныхъ мѣстахъ сѣвероамериканскихъ соединенныхъ штатовъ, то не должны ли мы придти къ заключенію, что намъ и не слѣдуетъ разбираться въ газетныхъ статьяхъ объ американскомъ пророкѣ, какъ не стараемся мы разбираться въ перво-апрѣльскихъ разсказахъ нашихъ друзей или въ сообщеніяхъ періодической печати, носящихъ общее заглавіе „смѣсь“? Такое заключеніе и даетъ одинъ изъ органовъ нашей духовной печати — „Церковный Вѣстникъ“ ¹⁾. „Ломать голову надъ смутнымъ и несомнѣнно прикрашеннымъ сообщеніемъ о полумистическомъ, хотя современномъ намъ продуктѣ Американской экстаической религіозности, пресловутомъ Шлаттерѣ, значитъ, говоритъ газета, пренебрегая фактами здороваго церковно-историческаго развитія, увлекаться явленіями психопатическими, къ области которыхъ несомнѣнно относится и вся эта исторія съ американскимъ „святымъ человѣкомъ“. Чтобы понять исторію Шлаттера, вовсе нѣтъ надобности

1) № 9. 1896.

ломать голову надъ этимъ явленіемъ какъ чрезвычайно таинственнымъ и загадочнымъ: достаточно быть знакомымъ съ характеромъ американской религіозности въ той сферѣ, въ какой вращался и имѣлъ успѣхъ Шлаттеръ — въ сферѣ именно бродячаго, безпринципнаго, глубоко-невѣжественнаго, хотя и заносчиваго сектанства, и это довольно заурядное, хотя и не часто принимающее такіе размѣры, явленіе будетъ совершенно понятно. Страна, гдѣ могла найти для себя богатую почву такая секта, какъ армія спасенія, съ ся болѣзненно-хлыстовскими приѣмами религіознаго радѣнія, конечно способна произвести, какъ она и дѣйствительно производила, не одного только Шлаттера, хотя и въ разныхъ видахъ индивидуальнаго проявленія“.

Мы вполне согласны съ тѣмъ, что Шлаттеръ вовсе не представляетъ собою такой крупной фигуры, на которой должно бы остановить исключительное вниманіе и относительно которой должны бы быть наводимы тщательныя справки и производимы тщательныя изслѣдованія. Имя Шлаттера преидеть, какъ на пространствѣ вѣковъ прошло много подобныхъ именъ. Явятся новые Шлаттеры и ихъ забудутъ, какъ уже начинаютъ забывать перваго исчезающаго. Но вотъ, что представляется намъ важнымъ: каждый изъ такихъ Шлаттеровъ отвращаетъ общество—хотя на минуту—отъ интересовъ минуты и направляетъ къ вѣчнымъ вопросамъ, которые, если не всегда ставятся громко, то всегда таятся въ душѣ человѣка, вопросамъ религіозно-нравственнаго характера, для рѣшенія которыхъ Шлаттеры и другіе повидимому представляютъ удобный матеріаль. Три предположенія возможны относительно чудесъ Шлаттера, какъ три предположенія возможны и относительно его лица. Предположенія относительно дѣлъ могутъ быть таковы: первое, естественнѣе всего подсказывающееся скептическимъ умамъ, что никакихъ такихъ дѣлъ на самомъ дѣлѣ совершенно не было, что сказанія о нихъ представляютъ чистую сказку; второе, что эти дѣла совершены были, но что они естественны, и что рано или поздно наука найдетъ ключъ для ихъ объясненія, наконецъ, третье, что дѣла Шлаттера суть дѣйствительно сверхъестественныя чудеса. Каждое изъ этихъ предположеній вызываетъ рядъ серьезныхъ религіозныхъ недоумѣній. Если легенда о чудесахъ могла такъ легко воз-

никнуть и разростись въ концѣ XIX вѣка, то, конечно, скажутъ, она еще легче могла возникнуть и разростись въ концѣ 1-го и тогда чудеса новаго завѣта и еще болѣе чудеса ветхаго завѣта получаютъ очень простое объясненіе. Далѣе, если чудеса Шлаттера суть дѣйствительныя, но естественныя дѣла, то повидимому тоже должно предположить и о чудесахъ Евангелія и тогда остается ждать научныхъ изслѣдованій, которыя, выяснивъ естественный характеръ событій, должны найдти въ послѣдствіи и ихъ естественную причину. Наконецъ, если дѣла Шлаттера сверхъестественны, то какъ согласить съ нашею вѣрою въ истинность православія то, что божественная сила дѣйствуетъ чрезъ неправославнаго? Таковы недоумѣнія относительно дѣлъ Шлаттера. Его личность вызываетъ недоумѣнія лишь постольку, поскольку она связана съ его дѣлами. Что онъ такое? Шарлатанъ подобный Калліастро, недавно явившейся въ Парижѣ Генриеттѣ Кведдонъ и многимъ другимъ морочащій людей ради личныхъ цѣлей? Большой, самообманутый и самообольщенный мистикъ, принимающій галлюцинаціи за откровенія, психическая болѣзнь котораго подсказываетъ ему несчастную мысль, что онъ можетъ давать физическое здоровье другимъ? Наконецъ, можетъ быть онъ дѣйствительно истинно святой, одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которыхъ время отъ времени небо посылаетъ на землю для ослабленія зла и для утоленія скорбей среди страждущаго человѣчества? Всѣ эти три предположенія дѣлались относительно него: его сажали въ тюрьму, какъ мошенника, заключали въ психіатрическую лечебницу, какъ сумасшедшаго, и окружали религіознымъ поклоненіемъ, какъ святаго.

Правильный взглядъ на его личность обусловливается правильнымъ взглядомъ на его дѣла. Что должно думать о нихъ? Въ прежнее время, когда люди науки отличались болѣею смѣлостью и самоувѣренностію, чѣмъ теперь, сказанія объ этихъ дѣлахъ были бы отвергнуты безъ изслѣдованія, какъ ребяческой вымыселъ. Въ прошедшемъ столѣтіи парижская академія наукъ съ фанатическою нетерпимостью отвергла мысль о возможности паденія камней съ неба; но это не помѣшало камнямъ падать, и теперь факты ихъ паденія — довольно уже хорошо изученные и объясненные — извѣстны всякому школьнику. Въ 1840 году

французская медицинская академія объявила ложными всѣ факты такъ называемаго животнаго магнетизма и отказалась принимать разсужденія и изслѣдованія о нихъ, теперь мы видимъ въ Парижѣ цѣлыя клиники, занимающіяся изслѣдованіемъ того, что назадъ тому полстолѣтія было объявлено фикціей. Въ этихъ клиникахъ, больницахъ и институтахъ тщательно изслѣдуются и явленія подобныя дѣламъ Шлаттера. Историческія справки показали, что подобныя явленія бывали и бывали неоднократно въ прошедшемъ, а современное знаніе даетъ основаніе надѣяться, что они будутъ болѣе или менѣе удовлетворительно объяснены въ будущемъ.

Еще у Шекспира въ одной изъ его безсмертныхъ трагедій ¹⁾ мы встрѣчаемся съ чудотворцемъ подобнымъ Шлаттеру. Въ одной изъ сценъ Макбета, гдѣ Малькольмъ и Макдуфъ ведутъ разговоръ о несчастіи Шотландіи, Малькольмъ, обратившись къ внезапно вошедшему врачу, спрашиваетъ:

— Скажите, состоится сегодня выходъ короля?

Врачъ. Непремѣнно состоится. Его ждетъ громадная толпа несчастныхъ. Наше искусство бессильно противъ ихъ болѣзни, но онъ врачуетъ ее только однимъ прикосновеніемъ. Такую святую власть даровало его рукѣ само небо.

Малькольмъ. Благодарю васъ (врачъ уходитъ).

Макдуфъ. О какой болѣзни говоритъ онъ?

Малькольмъ. Она не имѣетъ особаго имени, ее просто зовутъ королевскою немочью. Въ этомъ отношеніи онъ просто творить чудеса, и я со времени своего приѣзда сюда видалъ ихъ не разъ. Какъ, вслѣдствіе какихъ молитвъ ниспосланъ ему этотъ даръ, извѣстно только ему одному, но людей, страдающихъ ужаснымъ недугомъ, обезображенныхъ нарывами и язвами такъ, что на нихъ страшно смотрѣть, а лечить отказываются всѣ врачи, онъ исцѣляетъ только своимъ прикосновеніемъ, чтеніемъ молитвъ и возложеніемъ на шею больному золотой монеты. Говорятъ, что эта цѣлебная способность перейдетъ къ его потомкамъ и прямымъ наслѣдникамъ престола. Кромѣ этой способности онъ надѣленъ еще многими другими, какъ, напримѣръ, даромъ

¹⁾ Макбетъ. Дѣйствіе IV, сцена 3-ья.

пророчества, что ясно показываетъ, насколько онъ исполненъ небесной благодати.

Полагаютъ, что это мѣсто трагедіи внушено Шекспиру хроникою Голиншеда, именно тѣмъ мѣстомъ ея, въ которомъ говорится объ Эдуардѣ Исповѣдникѣ: „онъ имѣлъ даръ пророчества, а также даръ исцѣленія недуговъ и убожества. Онъ имѣлъ обычай помогать страдавшимъ такъ называемою королевскою немочью и оставилъ эту способность, какъ часть наслѣдія, своимъ потомкамъ — англійскимъ королямъ“.

Но Эдуардъ Исповѣдникъ отдѣленъ отъ насъ періодомъ времени во много столѣтій, слова хроника Голиншеда слишкомъ глухи, а отзвукъ этихъ словъ у поэта слишкомъ ненадеженъ, чтобы на всемъ этомъ можно было опереться. Къ счастью исторія сохранила намъ довольно подробныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ позднѣйшихъ цѣлителяхъ, въ способности которыхъ производить исцѣленія какъ они сами, такъ и ихъ современники усматривали особый даръ Божій. Въ ряду такихъ цѣлителей особенно отмѣчаютъ Грэтрекса въ XVII вѣкѣ и Гасснера въ XVIII столѣтіи ¹⁾.

Грэтрексъ, ирландскій дворянинъ, проведеній юность въ военной службѣ, получилъ по его собственнымъ словамъ въ 1642 году откровеніе, что онъ обладаетъ способностію лечить золотуху. Будучи человѣкомъ скромнымъ, онъ былъ смущенъ этимъ откровеніемъ, однако, повинаясь ему, онъ рѣшилъ прикоснуться къ нѣкоторымъ золотушнымъ и исцѣлилъ ихъ. Спустя нѣкоторое время послѣ этого тамъ, гдѣ онъ жилъ, разразилась эпидемическая лихорадка. Грэтрексу снова было откровеніе, что онъ можетъ лечить и эту болѣзнь, онъ снова попыгалъ свои силы и опять не безъ успѣха. Послѣ этого одно откровеніе быстро слѣдовало за другимъ. Въ апрѣлѣ 1665 года внутренній голосъ ему возвѣстилъ, что онъ владѣетъ способностію исцѣлять раны, нарывы, водянку, конвульсии и пр. Успѣхи Грэтрекса возбуждали противъ него духовенство, которое воспретило ему лечить, однако уже поздно, такъ какъ слава о немъ распространилась по всему королевству. Во всѣхъ областяхъ, черезъ которыя онъ проходилъ, магистраты городовъ и бур-

¹⁾ О Грэтрексѣ и Гасснерѣ см. у Гилярова „Гипнотизмъ по ученію Шарко и психологической школы“, стр. 421—425.

говъ выходили къ нему на встрѣчу, прося его прикоснуться къ больнымъ въ ихъ домѣ. Прикосновеніе было единственнымъ способомъ его леченья. „Наложениемъ своей руки (свидѣтельствуется одинъ весьма почтенный очевидецъ, ученый епископъ Жоржъ Растъ) онъ удалялъ боль, прогоняя ее въ конечности. Дѣйствіе иногда было очень быстрымъ, и я видѣлъ, какъ нѣкоторыя лица были исцѣлены словно волшебствомъ. Эти исцѣленія не давали мнѣ повода думать, что въ нихъ было что-нибудь сверхъестественное. Не думалъ этого и онъ, и его способъ исцѣлять доказываетъ, что здѣсь не было ни чуда, ни Божественнаго дѣйствія. Повидимому изъ его тѣла исходило болеутолятельное и цѣлебное вліяніе. Многія болѣзни уступали только повторительнымъ прикосновеніямъ, нѣкоторыя и вовсе не поддавались его стараніямъ. Грэтрэксъ думаетъ, что способность, которою онъ обладаетъ, есть даръ Божій. Онъ иногда самъ удивляется своей силѣ и доходитъ даже до того, что сомнѣвается — не иллюзія ли все это. Однако въ убѣжденіи, что Богъ явилъ къ нему особую милость, онъ всецѣло посвятилъ себя заботамъ объ облегченіи больныхъ“. Два другіе современника—знаменитые врачи, Фэрклоу и Эстелій, засвидѣтельствовали тоже самое. „Я видѣлъ, говоритъ Эстелій, одного ребенка настолько покрытаго золотушными опухолями, что онъ не могъ сдѣлать никакого движенія: Грэтрэксъ устранилъ большую часть этихъ опухолей простымъ наложениемъ руки; наиболѣе значительныя онъ открылъ ланцетомъ и исцѣлилъ раны прикосновеніемъ, иногда обмачивая ихъ своей слюной“. Всѣ свидѣтели сходятся въ признаніи кротости, смиренія, человѣколюбія и совершеннаго безкорыстія Грэтрэкса.

Другой знаменитый исцѣлитель Гасснеръ (католическій священникъ въ Клэстерли, 1727—1799) поставилъ себѣ задачей изгонять изъ больныхъ бѣса. Медицина добраго стараго времени дѣлила болѣзни по ихъ происхожденію на бѣсовскія и естественныя. Гасснеръ на основаніи личнаго опыта пришелъ къ заключенію, что большая часть болѣзней порождается и поддерживается злымъ духомъ и потому дѣло исцѣленія сводилъ къ изгнацію изъ больныхъ бѣса. Прежде всего нужно было открыть въ больномъ бѣсовское присутствіе, вслѣдствіе лукавства злого духа это иногда оказыва-

лось затруднительнымъ, тогда со всею силою одушевлявшей его вѣры Гасснеръ приказывалъ бѣсу обнаружить болѣзнь самыми жестокими припадками, и когда бѣсъ обнаруживалъ себя, Гасснеръ его изгонялъ. Успѣхъ заклинаній Гасснера и его слава были очень велики. Замѣчательнѣйшимъ его дѣломъ считается исцѣленіе девятнадцатилѣтней Эмили, дочери придворнаго офицера одного нѣмецкаго князя. Эмили одно время страдала жестокими истерическими конвульсіями, которыя повторялись по нѣскольку разъ въ день и длились иногда по нѣскольку часовъ. Одинъ страсбургскій врачъ вылечилъ Эмилию, но Гасснеръ увѣрилъ ее, что бѣсъ въ ней только притворяется, и доказалъ это на предварительномъ испытаніи. Окончательное изгнаніе бѣса Гасснеръ произвелъ публично, въ присутствіи двадцати избранныхъ лицъ, удостоившихъ своею подписью то, что совершилось. Среди свидѣтелей были придворный хирургъ и профессоръ математики вюрцбургскаго университета. Гасснеръ обратился къ Эмили съ увѣщаніемъ, чтобы она положила на Иисуса Христа, могущество Котораго преодолѣетъ силу діавола и будетъ единственной причиной ея совершеннаго выздоровленія. Послѣ этого онъ посадилъ ее на стулъ и обратился къ ней съ заклинаніями, главнѣйшія изъ которыхъ суть слѣдующія:

Praecipio tibi in nomine Iesu, ut minister Christi et Ecclesiae, veniat agitatio brachiorum quam autecedenter habuisti: у Эмили затряслись руки,

Cesset paroxysmus, вдругъ она поднялась съ мѣста и казалась веселой и здоровой.

Paroxysmus veniat iterum vehementius, ut ante fuit, et quidem per totum corpus; припадокъ начался снова. Хирургъ освидѣтельствовалъ пульсъ Эмили и нашелъ его ускореннымъ и перемѣжающимся. Ноги поднялись выше стола; руки и пальцы окоченѣли; всѣ ихъ мускулы и сухожилія натянулись такъ, что двое сильныхъ мужчинъ оказались неспособными согнуть рукъ и увѣрили, что легче ихъ сломать, чѣмъ согнуть. Глаза были открыты, но закачены и голова казалась такой тяжелой, что ее нельзя было сдвинуть, не сдвинувъ всего тѣла. Заклинатель продолжалъ:

Cesset paroxysmus in momento. Эмили снова немедленно стала здоровой и веселой.

Paroxysmus sit in ore, in oculis, in fronte; она упала навзничь, конвульсіи исказили губы, движенія ея глазъ внушали страхъ. *Cesset* снова привело ее въ прежнее положеніе.

Paroxysmus afficiat nares; носъ вздернулся, ноздри раздулись, ротъ скривился и остался нѣкоторое время въ этомъ положеніи.

Sit quasi mortua; лицо сдѣлалось мертвенно блѣднымъ, ротъ страшно раскрылся, носъ вытянулся, закаченные глаза смотрѣли, но ничего не видѣли; слышалось хрипѣніе; голова и шея какъ будто пристали къ столу, на которомъ сидѣла Эмилія такъ, что самые сильные мужчины не могли сдвинуть ихъ; пульсъ былъ такъ слабъ, что хирургъ его едва ощущалъ.

Modo iterum ad se redeat, ad statum suum; тотчасъ же чувства къ ней возвратились, и она стала улыбаться.

Pulsus adsit ordinarius, sit mode lenis, sit intermittens; и пульсъ подвергся въѣмъ этимъ измѣненіямъ. Профессоръ математики пожелалъ, чтобы пульсъ сталъ перемежающимся послѣ втораго удара, затѣмъ послѣ третьяго, наконецъ, чтобы въ немъ были перебои (*sit carpicanus*); хирургъ удостовѣрился, что произошло по слову Гасснера. Тотъ же профессоръ попросилъ заклинателя заставить вздуться мускулъ *masseter*. Гасснеръ, не знавшій этого слова, произнесъ *mesater*. Когда ему указали на ошибку, онъ повторилъ приказаніе правильно: *infletur musculus masseter*. Хирургъ замѣтилъ вздутіе на лѣвой сторонѣ челюсти, но профессоръ ничего не замѣтилъ на правой. Винаватымъ однако оказался не бѣсъ доказавшій въ этомъ случаѣ, что знаніемъ латыни можетъ поспорить съ кѣмъ угодно. Профессору указали, что слово произнесенное въ единственномъ числѣ можетъ относиться только къ одному мускулу: поэтому бѣсъ былъ правъ. Какъ только Гасснеръ произнесъ: *infletur musculi masseters*, немедленно обнаружилось движенія на обѣихъ сторонахъ лица. Затѣмъ Гасснеръ вызвалъ апоплексію языка и всей лѣвой стороны, потомъ всего тѣла и т. д. Всѣ эти припадки прекращались по слову *cesset*.

Послѣ этихъ испытаній Гасснеръ приступилъ къ исцѣляющимъ заклинаніямъ. Онъ далъ Эмиліи нѣсколько наставленій относительно того, какъ ей на будущее время исцѣлять себя, такъ какъ онъ обладалъ способностью сообщать

этотъ даръ больнымъ. Чтобы закончить леченіе, онъ спросилъ больную—не можетъ ли она пожаловаться еще на какую-либо болѣзнь? Эмилиа отвѣчала, что ее одно время мучилъ кашель. Гасснеръ вызвалъ кашель и затѣмъ его устранилъ. Для окончательнаго изгнанія онъ повторилъ исцѣляющее заклинаніе. Наконецъ, онъ оставилъ больную, заявивъ всѣмъ присутствующимъ, что все, что произошло, произошло по могуществу Божію и служить для подтвержденія Евангельской истины. Гасснеръ обращался къ Эмилиі по латыни, она знала этотъ языкъ недурно.

Въ новѣйшее время чудеса въ католическомъ мірѣ связываются съ именемъ Бернадетты лурдской ¹⁾ (1844—1878). Ей въ 1858 году было видѣніе въ пещерѣ близъ Лурда, тамъ затѣмъ открылся источникъ, который признали чудодѣйственнымъ, начались исцѣленія продолжающіяся и доселѣ, теперь туда ежегодно паломничаютъ отъ 200 до 300 тысячъ человѣкъ и изъ больныхъ, говорятъ, исцѣляются до 10⁰/₀.

Въ виду всего вышеизложеннаго нѣтъ возможности отрицать факты мгновеннаго или скороаго исцѣленія отъ трудно излечимыхъ или совсѣмъ неизлечимыхъ болѣзней, причемъ единственными исцѣляющими средствами являются прикосновеніе или слово. Разумный анализъ этихъ фактовъ, намъ кажется, долженъ привести къ такимъ выводамъ: 1) что многіе изъ нихъ не могутъ быть признаны чудесами; 2) что они не даютъ основаній для отрицанія чудесъ вообще.

Усвоивъ издавна нѣкоторымъ событіямъ названія чудесъ, люди хотѣли этимъ показать, что эти событія чудны, необычны, неестественны. Естественныя событія суть тѣ, которыя являются необходимымъ слѣдствіемъ предшествовавшихъ имъ условій. Мы можемъ не знать, какъ извѣстный фактъ связывается съ произведшими его причинами и даже, каковы эти причины, но мы твердо убѣждены, что таковыя причины существуютъ, и потому называемъ фактъ естественнымъ. Мы смутно догадываемся о причинахъ града или зодіанальнаго свѣта, но мы нисколько не сомнѣваемся, что эти причины могутъ быть найдены. Необъясненныя явленія мы не называемъ чудесами, мы только ждемъ ихъ

¹⁾ Подробности о Бернадеттѣ см. въ нашей статьѣ „Религіозный дальтонизмъ въ изящной литературѣ“. Богослов. Вѣстн. 1894. № 12.

объясненія. Но кромѣ явленій необъясненныхъ мы допускаемъ еще существованіе явленій не объяснимыхъ, такихъ, которыя нельзя представить, какъ необходимое слѣдствіе предшествовавшихъ условій, этотъ кругъ явленій носить имя чудесъ. Допущеніе ихъ возможности опирается на вѣру въ существованіе Творца и на вѣру въ существованіе свободы у созданныхъ тварей. Въ всемогущемъ Творцѣ мы видимъ достаточную причину для произведенія чудесъ, въ свободѣ конечныхъ тварей—побужденіе для ихъ совершенія. Конечно-разумныя существа въ своемъ выборѣ склоняются и на право и на лѣво, т.-е. на сторону добра и на сторону зла, и разъ они допускаютъ зло, они оказываются не въ силахъ уничтожить его собственными средствами. Зло, разъ явившись, разростается само собою, какъ само собою разростается пламя пожара, какъ разростается дурная трава и какъ сами собою усиливаются эмидеміи. Наблюдая и на своемъ собственномъ сердцѣ и на общественныхъ отношеніяхъ и на цѣлой природѣ, какъ умножается и растетъ зло, человѣчество издавна вѣрило, что это зло, не смотря на свою способность къ саморазвитію и саморазмноженію, безсильно въ борьбѣ съ Божественнымъ Промысломъ. Однимъ изъ чрезвычайныхъ орудій этого Промысла человѣчество всегда считало чудеса, которыя ослабляютъ и уничтожаютъ зло, утверждаютъ добро и ведутъ людей къ добру. Съ своей внѣшней стороны чудеса крайне различны. Одни изъ нихъ крайне поражаютъ, представляя собою осуществленіе словъ чудотворца безъ всякаго участія посредствующихъ причинъ. Таковы чудеса Господа Иисуса Христа (сотвореніе брвенія при исцѣленіи слѣпорожденнаго, понятно, имѣло символическое, а не терапевтическое значеніе. Іоан. IX, 6—7). Въ другихъ чудесахъ какъ бы участвуетъ естественный элементъ. Таково дѣйствіе вѣтра при осушеніи Чермнаго моря (Исх. XIV, 21). Вслѣдствіе этого взору человѣка одни чудеса представляются, такъ сказать, болѣе чудесными, другія менѣе чудесными, а нѣкоторыя по своему внѣшнему виду таковы, что человѣкъ не видитъ различія между ними и естественными явленіями и готовъ ихъ отнести къ ряду послѣднихъ. Дѣло въ томъ, что человѣкъ плохо знаетъ природу вещей и далеко не можетъ опредѣлить, гдѣ лежитъ граница, отдѣляющая необъясненное отъ необъяснимаго,

граница отдѣляющая „ignoramus“ отъ „ignorabimus“. Вслѣдствіе этого не рѣдко фокусъ принимался за чудо и чудо объявлялось фокусомъ. Нѣкоторые могутъ задуматься надъ вопросомъ о томъ, почему Провидѣніе оставляетъ людей какъ бы въ безпомощномъ состояніи, предоставляя имъ собственными силами рѣшать—чудеса ли дѣла совершаемая тѣми или иными лицами или нѣтъ. Отвѣтъ на это данъ девятнадцать вѣковъ тому назадъ человѣчеству. Онъ данъ въ тѣхъ священныхъ словахъ, которыя мы привели въ началѣ статьи, онъ данъ въ словахъ св. Павла: „если бы мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ алаѣма“ (Галат. 1, 8). Важно не то, что совершаетъ Шлаттеръ, а чему онъ учитъ, и какія бы великія чудеса и знаменія онъ не совершилъ, но если онъ объявилъ, что онъ — Христосъ, то не за нимъ нужно слѣдовать, а его нужно вести въ больницу. Какъ *argumenta veritatis*, чудеса сами по себѣ не должны имѣть большаго значенія. Въ планѣ божественнаго міроуправленія главное назначеніе чудесъ заключается не въ томъ, чтобы убѣждать людей въ истинѣ, а въ томъ, чтобы вести ихъ къ добру. Ненадежна и нецѣнна та вѣра, которая возникаетъ вслѣдствіе того, что поражено воображеніе, но цѣнна только та вѣра, которая возникаетъ въ начавшемъ очищаться сердцѣ человѣка. Господь Иисусъ Христосъ отказывалъ въ знаменіи просившимъ знаменія. Говорятъ, что Онъ все-таки общалъ и далъ знаменіе пророка Іоны. Разсуждающіе такъ не обращаютъ вниманія на контекстъ евангельскаго разсказа (см. Лук. XI, 29—32), въ которомъ сравнивается проповѣдь Іоны и проповѣдь Христа и покаяніе ниневитянъ съ нераскаянностію іудеевъ, но во все не говорится, что знаменіе Іоны для ниневитянъ состояло въ трехдневномъ пребываніи пророка во чревѣ кита, о каковомъ пребываніи ниневитяне могли и не знать (см. Іоны 1, 2 и III, 2 и 4). Чудеса не дѣйствуютъ на ожесточенныя сердца. Фараонъ былъ раздраженъ и озлобленъ чудесами Моисея (Исх. VII—XIV), но не убѣжденъ ими. Ахазъ отказался принять знаменіе, которое ему предлагалъ пророкъ (Исаи VII). О еврейхъ позднѣйшаго времени Авраамъ въ притчѣ Господа засвидѣтельствовалъ: „если Моисея и пророковъ не слушаютъ; то если бы кто и изъ мертвыхъ

воскресъ, не повѣрять“ (Лук. XVI, 31). Насколько неустойчиво и скоропреходяще впечатлѣніе производимое на народъ чудесами, мы можемъ видѣть изъ исторіи св. Павла. Павлу и Варнавъ, исцѣлившимъ хромага въ Листрѣ, жители хотѣли принести жертву, какъ богамъ. Тѣ убѣдили ихъ не дѣлать этого. И немного погодя, мы видимъ, тѣже жители „побили Павла камнями, и вытащили за городъ, почитая его умершимъ“ (Дѣян. XIV, 8—19). Если чудеса не обращаютъ сердца ожесточенныя, то, наоборотъ, сердца начавшія смягчаться ищутъ евангельской правды, а не чудесъ. Успѣхъ проповѣди св. Павла зависѣлъ не отъ чудесъ, но отъ того, что въ его проповѣди открывались явленія духа и силы (1 Коринѣ. II, 4; ср. 2 Коринѣ. XII, 9). Сверхъестественныя дѣла являются, такъ сказать, естественнымъ признакомъ святости (Марк. XVI, 17—18), они открываютъ, что ходъ міровой жизни можетъ идти и не по тому пути, по которому идетъ нынѣ, и можетъ управляться болѣе совершенными законами, чѣмъ тѣ, которыми управляется теперь. Они утверждаютъ вѣрующихъ въ надеждѣ, что нѣкогда явятся новое небо и новая земля (2 Петр. III, 13) и произойдетъ совершечное торжество правды.

Но Писаніе строго заповѣдуетъ намъ, чтобы мы остерегались довѣрять внѣшней поразительности событія и чтобы мы не спѣшили усвоивать признакъ посланничества съ неба тѣмъ, кто производитъ эти событія. Іанній и Іамврій превратили свои жезлы въ змѣй и однако они не были посланниками Божиими (Исх. VII, 11—12 и 2 Тимое. III, 8). На предыдущихъ страницахъ мы указали на нѣсколько лицъ, о которыхъ засвидѣтельствовано, что они обладали способностью исцѣленій, многіе однако — даже и въ давно прошедшее время — усматривали въ ихъ дѣлахъ не чудеса, а результатъ особаго полученнаго ими дара или — точнѣе присущей имъ способности. Современная наука, если еще и не выяснила свойствъ этой способности и причинъ исцѣленій, то во всякомъ случаѣ установила ихъ естественный характеръ и нашла правильный методъ для ихъ изслѣдованія. Современная наука съ несомнѣнностію установила два положенія: 1) что духъ можетъ имѣть *очень сильное* вліяніе на тѣло; 2) что духъ одного человѣка можетъ *непосредственно и сильно* вліять на духъ другаго человѣка.

Разъяснимъ эти положенія. Мы знаемъ, что духъ вліяетъ на тѣло. Я рѣшаю поднять палецъ на правой рукѣ и поднимаю его. Я не знаю, *какъ* это дѣлается, но я знаю, что это дѣлается по *моей* волѣ. Въ обычныхъ случаяхъ сфера вліянія духа на дѣло имѣетъ довольно опредѣленныя и далеко неширокія границы. Только сокращеніе и расширеніе поперечно-полосатыхъ мускуловъ зависитъ отъ воли человека, гладкіе мускулы (*arrectores pilii*) не подчиняются нашей волѣ, отправления желудка, усвоеніе питательныхъ веществъ, кровообращеніе, все это происходитъ въ насъ, но независимо отъ насъ. У насъ есть мышцы (ушные, на лбу), которыя не подчиняются нашей волѣ, но у животныхъ находятся въ ихъ свободномъ распоряженіи. При болѣзняхъ сфера вліянія духа на тѣло еще болѣе ограничивается: отмороженный палецъ не дѣйствуетъ, пораженная параличемъ сторона тѣла остается неподвижной. Всѣ болѣзненные новообразованія (нарывы, опухоли) находятся совершенно внѣ нашей власти. Точно также человекъ не можетъ противодействовать волею разрушенію тканей и органовъ, происходящему въ его организмѣ. Все это въ обычныхъ случаяхъ. Но а) сфера и сила вліянія духа на тѣло можетъ быть значительно увеличена упражненіемъ, б) у нѣкоторыхъ лицъ она постоянно далеко переходитъ обычные предѣлы, а у нѣкоторыхъ она переходитъ эти предѣлы при какихъ-нибудь исключительныхъ условіяхъ. Воля человека тогда оказывается въ состояніи и возбуждать и прекращать нѣкоторые значительные болѣзненные процессы въ тѣлѣ и управлять въ организмѣ тѣмъ, что обычно ей не подчинено. Во имя какихъ-либо основаній паралитикъ приходитъ къ убѣжденію, что онъ можетъ своей больною рукою дѣйствовать такъ же, какъ здоровою, и онъ начинаетъ дѣйствовать ею, сила его убѣжденной воли двигаетъ его рукою точно такъ же, какъ сила той же воли поднимаетъ мой палецъ. Различіе здѣсь въ размѣрахъ вліянія воли, но не въ сущности дѣла. Мы не знаемъ истинныхъ границъ вліянія духа на тѣло, но современная медицина хорошо знаетъ, что обычныя границы могутъ быть далеко переступаемы.

Другой основной фактъ, который долженъ быть положенъ въ основу сужденій объ исцѣленіяхъ прикосновеніемъ и словомъ, состоитъ въ томъ, что духъ одного человека мо-

жетъ непосредственно вліять на духъ другаго: свою настроенность и убѣжденность чловѣкъ можетъ передавать другому безъ словъ или посредствомъ словъ самихъ въ себѣ не заключающихъ никакой силы. Всѣ мы читали про отгадывателей мыслей, не всѣ изъ этихъ отгадывателей шарлатаны. Ихъ тонкая организація отпечатлѣваетъ на себѣ наше душевное состояніе точно такъ же, какъ на фотографической пластинкѣ отпечатлѣваются черты нашего лица, и они говорятъ намъ то, что мы думаемъ. Не всякій чловѣкъ въ одинаковой мѣрѣ способенъ вліять силою своего духа на духъ другаго, одни въ этомъ отношеніи являются очень могущественными, другіе, напротивъ, совершенно безсильными, точно такъ же духъ не всякаго чловѣка способенъ къ воспримчивости или порабощенію, особенно способны подчиняться люди больные, страдающіе исторіей. На этихъ началахъ утверждаются современная гипнотерапія, лечение внушеніемъ и гипнотизмомъ. Паралитика убѣждаютъ, что онъ здоровъ, и это убѣжденіе возвращаетъ ему здоровье. Во многихъ случаяхъ, гдѣ корень болѣзни кроется въ нервахъ, гипнотизмъ и внушеніе съ успѣхомъ могутъ придти на помощь. Для иллюстраціи мы приведемъ одинъ изъ случаевъ подобныхъ исцѣленій изъ практики Брэда—отца современнаго ученія о гипнотизмѣ. 19 іюня 1854 г., говоритъ Бредъ, обратилась ко мнѣ за помощью миссъ R ¹⁾. За годъ передъ этимъ она страдала воспаленіемъ глазъ, заставившимъ ее въ теченіе мѣсяца оставаться въ комнатѣ. Впослѣдствіи она получила поврежденіе лѣвой стороны головы вслѣдствіе паденія на нее бревна; спустя два дня послѣ этого обнаружились сильныя боли на соотвѣтствующемъ мѣстѣ, и она вдругъ ослѣпла на лѣвый глазъ при расширеніи зрачка. Благодаря врачебной помощи въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, зрѣніе отчасти возстановилось. Въ началѣ января 1854 г. она вдругъ во время чтенія ослѣпла на другой глазъ точно такъ же при расширеніи зрачка. Спустя немного дней, она нагнулась у камина и, вставая, ударилась о карнизъ камина тѣмъ же мѣстомъ головы, которое было раньше повреждено, послѣ чего лѣвый глазъ вновь ослѣпъ такъ, что она потеряла зрѣніе на оба глаза. Тогда

¹⁾ Объ этомъ случаѣ см. у Гиллярова *op. cit.* стр. 353—354.

она была отправлена своимъ домашнимъ врачомъ къ знаменитому главному врачу сэру Уильду въ Дублинѣ, вслѣдствіе помощи котораго ея состояніе снова на столько улучшилось, что зрачокъ началъ реагировать и она могла различать большіе предметы, но не была способна ни читать, ни писать. Она возвратилась домой, но такъ какъ улучшение остановилось, то просили меня испытать на ней дѣйствіе гипнотизма. При изслѣдованіи глаза я не могъ открыть физической причины расстройства зрѣнія, и кромѣ того не было болѣе ни въ глазу, ни въ головѣ. Глаза высматривали на подобіе того, какъ бываетъ при начинающейся темной водѣ, только зрачки не были расширены такъ сильно. Такъ какъ я думалъ, что слѣдуетъ искать причины ослабленія зрѣнія въ пониженной чувствительности ретины, то я надѣялся на быстрый успѣхъ отъ гипнотическаго леченія. Но чтобы имѣть возможность судить объ его дѣйстви, я положилъ передъ ея глазами страницу самой крупной печати, какая у меня была, и оказалось, что она не была въ состояніи читать печать, буквы которой доходили длинной до четверти дюйма. Загипнотизовавъ больную, я старался направить дѣятельность первой системы на глаза приведеніемъ въ движеніе воздуха надъ ними и легкимъ къ нимъ прикосновеніемъ и въ тоже время этимъ обратить вниманіе больной на глаза. Когда я ее разбудилъ по истеченіи десяти минутъ и показалъ ей ту же самую печать, то она тотчасъ же съ изумленіемъ и величайшею радостію воскликнула: я вижу слово „торговля“ и въ тоже время указала на него. Я увѣрилъ ее, что она скоро будетъ видѣть еще лучше и послѣ короткой паузы она воскликнула: „я вижу „касающійся торговли“¹⁾); потомъ я вижу: „лексиконъ“, и вскорѣ затѣмъ: „я вижу „Макъ Эйлохъ“ (имя автора). Хотя она и не была въ состояніи тотчасъ же видѣть болѣе, но по прошествіи нѣсколькихъ минутъ могла прочесть „Лондонъ, Лонгменъ Гринъ и Лонгменъ“. Таковъ былъ результатъ перваго сеанса. На слѣдующій день послѣ втораго сеанса она могла по пробужденіи прочесть весь заглавный листъ брошюры, а еще пять минутъ спустя, двѣ строки текста. Послѣ втораго сеанса въ тотъ же день она

¹⁾ „Торговля“ и „торговли“ по англійски тожеосвенно—„trade“.

по пробужденіи читала мелкую печать „приложенія“ и могла въ тотъ же вечеръ въ первый разъ по прошествіи года написать домой письмо, въ которомъ говорила о своихъ успѣхахъ. Послѣ того какъ она была загипнотизирована еще два раза, она была въ состояніи читать мельчайшую газетную печать. Она оставила меня совершенно оправившейся и съ тѣхъ поръ оставалась здоровой“. Подобно тому какъ слѣпоту, Брѣдъ исцѣлялъ контрактуры (руки, лѣи, ноги), параличи, глухоту и нѣмоту. Подобнымъ образомъ излечиваютъ все это и въ настоящее время, хотя замѣтимъ, что сообщенія обо всемъ этомъ врачей и клиникъ, если и не заслуживаютъ такого скептическаго отношенія, какъ рассказы очевидцевъ изъ толпы, то во всякомъ случаѣ далеко не всегда и неполнѣ отражаютъ въ себѣ правду.

Кромѣ взаимодѣйствія души и тѣла и вліянія духа одного человѣка на духъ другаго должно признать еще вліяніе духа одного человѣка на тѣло другаго. Основаніемъ для этого признанія являются исцѣленія дѣтей (напр., выше приведенныя исцѣленія: Грѣтрэкса, Шлаттера по сообщенію корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“), дѣти не могутъ себѣ сознательно усвоить убѣжденіе, что ихъ болѣзнь исцѣлится, но принимая во вниманіе, что человѣкъ живетъ не только сознательною, но и бессознательною духовною жизнью, можно допустить, что и въ такихъ случаяхъ внушеніе цѣлителя усваивается бессознательно духомъ ребенка, и духъ его бессознательно исцѣляетъ тѣло. Подобнымъ же образомъ можно объяснять исцѣленія въ тѣхъ случаяхъ, когда существуютъ серьезныя сомнѣнія въ томъ, чтобы исцѣляемый раздѣлялъ убѣжденія и довѣрялъ исцѣляющему (подобное, намъ кажется, имѣло мѣсто при исцѣленіи въ Москвѣ отъ сикоза г-на Д.).

Какъ объяснить тѣ основные факты, изъ которыхъ всѣ эти явленія выводятся, какъ неизбѣжныя слѣдствія? Нескорю, конечно, эта темная область озарится яркимъ свѣтомъ. Но изъ того, что она темна и не объяснена, не слѣдуетъ, что она и необъяснима. Психофизиологическія изслѣдованія и нѣкоторыя аналогіи въ мірѣ физическомъ уже въ настоящее время даютъ намъ нѣкоторые матеріалъ для таковыхъ объясненій. Въ настоящее время нѣкоторыми мыслителями по вопросу о взаимоотношеніи души и тѣла разви-

вається ученіе, представляющее собою крайность противоположную матеріалистической теоріи шестидесятихъ годовъ. Тогда говорили: душа есть функція тѣла, она относится къ тѣлу, какъ гармонія къ лирѣ, разламывается лира, исчезаетъ и гармонія; какъ печень производитъ желчь и мочу выдѣляютъ почки, такъ и мозгъ выдѣляетъ мысль, безъ фосфора нѣтъ мысли. Теперь говорятъ: тѣло есть функція души, оно создается разумомъ, какъ паутина паукомъ. По этой теоріи тѣло есть внѣшнее выраженіе внутренней духовной жизни, послѣдняя отражается въ немъ, какъ въ зеркалѣ отражается находящійся передъ нимъ образъ, тѣло говоритъ о жизни души точно такъ же, какъ ртуть въ термометрѣ говоритъ о температурѣ окружающей среды. Значитъ, перестаетъ болѣть духъ, перестаетъ болѣть и тѣло, сила воли лѣпитъ изъ тѣла все, что ей угодно, какъ рука скульптора лѣпитъ все, что ей угодно, изъ глины. Эта теорія представляетъ собою крайній спиритуализмъ. Между крайнимъ спиритуализмомъ и матеріализмомъ находится теорія, имѣющая для себя несомнѣнную фактическую основу, полного параллелизма душевныхъ и тѣлесныхъ явленій. По этой теоріи каждому состоянію духа соотвѣтствуетъ опредѣленное состояніе тѣла и наоборотъ, каждое измѣненіе въ душѣ влечетъ за собою измѣненіе въ состояніи тѣла и измѣненіе въ состояніи тѣла влечетъ за собою измѣненіе въ душѣ. Все, происходящее въ тѣлѣ, доводится до свѣдѣнія души, и на каждый атомъ тѣла душа можетъ имѣть вліяніе. Душа можетъ не сознавать впечатлѣній получаемыхъ отъ тѣла и бессознательно вліяетъ на тѣло, какъ по только что изложенной теоріи она бессознательно создаетъ тѣло. Въ XVII столѣтіи это незнаніе душою того, какъ она дѣйствуетъ на тѣло, подало поводъ къ развитію ученія отрицающаго связь души съ тѣломъ, ибо „quod nescis, quomodo Facias, non Facis“. Но и матеріальные атомы бессознательно притягиваютъ и отталкиваютъ другіе атомы, и связь матеріи съ матеріей такъ же мало понятна, какъ и связь матеріи съ духомъ. Дѣло въ томъ, что содержаніе нашего „я“ гораздо обширнѣе того, сколько мы о себѣ знаемъ, сфера сознательныхъ явленій душевной жизни несравненно уже всей душевной жизни человѣка, у насъ есть бессознательное мышленіе, процессы котораго ускользаютъ отъ нашего вниманія, а выводы яв-

ляются, какъ внезапное озареніе, у насъ есть безсознательная воля, проявленіе которой насъ поражаетъ, а сущность которой остается отъ насъ скрытой. Безсознательнымъ и могучимъ образомъ воля можетъ вліять на тѣло и поразительные результаты этого вліянія представляются чудесами, но они—чудеса лишь постольку, поскольку психологія не изучала и не изслѣдовала душевныхъ силъ человѣка и поскольку физиологія, доселѣ еще плохо выяснившая истину „*nemo physiologus nisi psychologus*“, не опредѣлила вліянія душевной жизни на физиологическіе процессы.

Фактъ непосредственнаго вліянія одного духа на другой находитъ себѣ аналогиі въ физическомъ мірѣ. Еще въ 1831 г. Фарадей открылъ существованіе индуктивныхъ токовъ, открылъ, что если по проволоцѣ идетъ гальваническій токъ и мы къ этой проволоцѣ быстро приблизимъ или отъ нея быстро отодвинемъ другую проволоку, то въ этой послѣдней тоже явится электрическій токъ: обратный току первой проволоки при приближеніи и тождественный при удаленіи. Далѣе было выяснено, что если мы въ катушку, на которой намотана изолированная проволока, вдвинемъ магнитъ или выдвинемъ изъ катушки, то въ проволоцѣ появится токъ. Тотъ фактъ, что магнитъ при приближеніи его къ куску желѣза или стали возбуждаетъ магнетизмъ въ послѣднемъ, былъ извѣстенъ уже давно. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ вліяніе одного вещества на другое непосредственное, безъ прикосновенія перваго ко второму при существованіи раздѣляющихъ ихъ повидимому непроницаемыхъ преградъ (стекла, лакированнаго шолка). Существуютъ гипотезы, объясняющія это взаимодѣйствіе. Когда возбуждается токъ въ проволоцѣ, то движеніе тока возбуждаетъ въ окружающей средѣ особое сотрясеніе (волнообразныя вибраціи) невѣсимаго міроваго эфира, это сотрясеніе эфира передается другой проволоцѣ и приводитъ въ ней эфиръ въ то колебательное состояніе, которое обнаруживается, какъ электрическій токъ. Этой гипотезой пытаются объяснять и взаимодѣйствіе душъ. Всякому психическому состоянію соотвѣтствуетъ извѣстное состояніе нервовъ и, наоборотъ, каждое измѣненіе въ состояніи нервовъ вызываетъ измѣненіе въ психическомъ состояніи. Движеніе міроваго эфира въ нервахъ сообщается окружающей средѣ, достигаетъ нервной системы другого лица

и черезъ нервы возбуждаетъ во второмъ лицѣ психическое состояніе подобное тому, въ которомъ находится первое. Между явленіями психическими и электрическими проводятъ аналогію въ подробностяхъ: изслѣдуютъ условія явленій электрической индукціи (свойства индуктирующихъ и индукціонныхъ проволокъ), условія образованія прямыхъ и обратныхъ токовъ, размѣры электрическаго поля, значеніе проводящей среды и находятъ полное подобіе всему этому въ явленіяхъ душевныхъ, въ явленіяхъ подражанія (заразительность зѣвоты), отгадыванія мыслей, внушенія и исцѣленія. Намъ нѣтъ нужды опѣивать эту гипотезу электрическихъ и психическихъ взаимодействій. Думаемъ, что она окажется невѣрною въ приложеніи къ электричеству, и можемъ отмѣтить, что она не приложима безусловно ко многимъ психическимъ фактамъ, на прим., телепатіи; лицо, живущее съ Вѣнѣ, испытываетъ тяжелое душевное состояніе вслѣдствіе какихъ-нибудь происшедшихъ съ нимъ тяжелыхъ обстоятельствъ, въ тоже время близкое къ нему лицо, живущее въ Лондонѣ, испытываетъ такое же душевное состояніе безпричинно. Міровой эфиръ въ этомъ случаѣ не могъ имѣть значенія передаточной почты. Но мы не можемъ отрицать аналогіи между явленіями электрической индукціи и психическаго взаимодействія и, признавая естественность и законосообразность въ первыхъ явленіяхъ, должны предполагать такія же свойства и у вторыхъ.

Многіе однако думаютъ, что усиленнымъ вліяніемъ духа на тѣло и взаимодействіемъ душъ нельзя объяснить всѣхъ фактовъ исцѣленія, о которыхъ свидѣтельствуетъ прошедшее и о которыхъ говорятъ въ настоящемъ. Предполагаютъ, что нѣкоторымъ людямъ присуща особая сила, которою они воздѣйствуютъ на другихъ и сообщаютъ другимъ исцѣленія. Впервые это положеніе высказалъ въ прошедшемъ столѣтіи Месснеръ. Въ настоящее время ревностнымъ сторонникомъ теоріи особой силы, которой усвоено имя лучистой нервной силы, является Барети. Нужно признать, что эта теорія хорошо соглашается съ нѣкоторыми фактами исцѣленій. Выше мы привели свидѣтельства о Грѣтрэксѣ и Шлаттерѣ, что отъ нихъ на исцѣляемыхъ какъ бы исходила успокоивающая, болеутоляющая и исцѣляющая сила. Больныхъ охватывалъ жаръ, у нихъ появлялась испарина

и послѣ этого являлись успокоеніе и выздоровленіе. Кто знаетъ—можетъ быть въ недалекомъ будущемъ наука откроетъ новую физиологическую силу, какъ она теперь работаетъ надъ выясненіемъ свойствъ новооткрытой физической силы? Въ декабрѣ прошедшаго года Рентгенъ опубликовалъ объ открытіи имъ лучей, которые дѣлаютъ видимымъ невидимое. Изслѣдованія Ленара, Лебона и многихъ второстепенныхъ ученыхъ расширили это открытіе. Они показали, что въ природѣ существуетъ какая-то сила, обладающая отчасти свойствами свѣта, отчасти электричества, но не тождественная ни съ электричествомъ, ни съ свѣтомъ, сила, дѣйствія которой повидимому не могутъ пріостановить никакія преграды и физическія и физиологическія примѣненія которой, судя по всему, должны быть очень разнообразными. Лучи Рентгена ¹⁾ случайно получили терапевтическое примѣненіе. Оказалось, что они обладаютъ свойствомъ оживлять обмершихъ (опыты съ утопленными мышами). Выра-

¹⁾ Сущность открытія Рентгена заключается въ слѣдующемъ. Если черезъ круковую трубку (запаянная стеклянная трубка грушевидной формы съ крайне разрѣженнымъ въ ней воздухомъ, въ противоположные концы трубки впаяны платиновыя проволоки, къ которымъ при пропусканіи тока присоединяютъ проволоки прибора) пропустить сильный электрическій токъ, то явится свѣтъ направляющійся какъ бы отъ отрицательнаго полюса (катодный) къ положительному. Рентгенъ открылъ, что въ составъ этого свѣта входятъ лучи невидимые глазомъ и обладающіе свойствомъ проходить черезъ картонъ, дерево, тѣло и многія другія обыкновенно непрозрачныя среды, но не могущіе проходить черезъ кости, металлы и т. д. Первымъ практическимъ примѣненіемъ этого открытія было фотографированіе костей въ живомъ человѣкѣ. Если круковую трубку, черезъ которую пропущенъ токъ, покрыть плотнымъ чернымъ картономъ такъ, чтобы въ комнатѣ, гдѣ она помѣщена, наступилъ совершенный мракъ (другаго источника свѣта не должно быть), и если затѣмъ въ этой комнатѣ поставить свѣточувствительную фотографическую пластинку, то невидимые рентгеновскіе лучи окажутъ на нее свое дѣйствіе и разложатъ составъ, которымъ она покрыта, но если между этою пластинкою и приборомъ мы поставимъ человѣка, то рентгеновскіе лучи, проникнувъ сквозь него, разложатъ на пластинкѣ составъ, какъ и прежде, вездѣ, но кромѣ тѣхъ мѣстъ, противъ которыхъ пришлись кости человѣка. Вслѣдствіе этого кости и будутъ сфотографированы. Свойства рентгеновскихъ лучей оказались и очень своеобразными (изъ чего слѣдуетъ, что они не тождественны съ ультракрасными и ультрафіолетовыми лучами) и очень разнообразными, и въ настоящее время открытіе Рентгена, дополненное открытіями другихъ, получило несравненно болѣе широкое примѣненіе.

женіе, что открыта или открывается новая сила, требуетъ нѣкотораго разъясненія. Физика признаетъ существованіе лишь единой силы, различными проявленіями или модификаціями которой являются магнетизмъ, тепло, электричество и новыя модификаціи которой, обладающія доселѣ еще неизвѣстными намъ свойствами, могутъ быть открываемы. Точно также фізіологическія силы не должны быть разграничиваемы отъ силъ физическихъ. Электрическая сила ската или угря, являющаяся слѣдствіемъ метаморфозы у нихъ нѣкоторыхъ мышць, есть простая физическая сила. Тоже самое должно сказать о недавно открытомъ магнетизмѣ и электричествѣ нѣкоторыхъ растений. Въ лучистой нервной силѣ, если она дѣйствительно присуща нѣкоторымъ людямъ, тоже нѣтъ нужды видѣть что-то особое, исключительное, чему ничто не соотвѣтствуетъ въ физической природѣ. Можетъ быть эта сила представляетъ собою нѣчто подобное электрической, и если электричество успѣшно излечиваетъ нѣкоторыя болѣзни, то эта сила можетъ быть изцѣляетъ несравненно большее ихъ число.

При изученіи явленій гипнотизма и внушенія изслѣдователи употребляли магнитъ. Оказалось, что на нѣкоторыхъ субъектовъ магнитъ производитъ чрезвычайно своеобразное дѣйствіе: прикосновеніе его уничтожало вызванныя воспоминанія, парализовало воздѣйствіе на субъекта звуковъ и предметовъ, которые обыкновенно повергали его въ каталептическое состояніе, измѣняло у загипнотизированныхъ содержаніе галлюцинацій, производило такъ называемый переносъ дѣйствій (субъекту внушено произвести какое-либо дѣйствіе правою рукою, по прикосновеніи къ нему магнита онъ совершаетъ это дѣйствіе лѣвой). Если такая могучая сила можетъ быть присуща небольшому куску желѣза, то конечно несравненно большая сила можетъ оказаться у человѣка. Эти силы невидимы и неосязаемы, онѣ узнаются только по результатамъ. Интересно, что не только приходится допустить, что людямъ могутъ быть присущи необычныя силы, но что имъ могутъ быть присущи и необычныя чувства. Открытіе Рентгена заставило навести нѣкоторыя любопытныя справки. Припомнили, что въ сороковыхъ годахъ истекающаго столѣтія нѣкто медикъ Рейхенбахъ собиралъ факты необычнаго зрѣнія, въ своихъ многотомныхъ

трактатахъ онъ привелъ много примѣровъ того, какъ люди видѣли сквозь непрозрачныя средыны. Добрую половину этихъ примѣровъ легко можно бы было отнести къ области мифовъ, еслибы въ т. кущемъ году послѣ открытія Рентгена не обратили вниманія, что люди Рейхенбаха видѣли именно сквозь тѣ непрозрачныя средыны, сквозь которыя проходятъ рентгеновскіе лучи. Отрицать безъ изслѣдованія возможность того, что утверждаетъ Рейхенбахъ, теперь уже не приходится. Мы думаемъ, что человѣкъ можетъ и видѣть и дѣлать несравненно больше того, что онъ видитъ и дѣлаетъ, необычайное зрѣніе и необычайныя силы являются для него теперь рѣдкимъ даромъ природы, но путемъ изученія самого себя и окружающей дѣйствительности онъ можетъ постепенно пріобрѣтать ихъ и самъ. Въ началѣ XVIII столѣтія электричество для жителей Европы было оккультическою силою природы, въ концѣ XX столѣтія тѣ факты, надъ которыми теперь останавливаемся въ раздумьи мы, можетъ быть перестанутъ быть загадкою даже для школьникова.

Но въ настоящее время все это еще очень темно и загадочно. Мы, кажется, только можемъ утверждать, что всѣ эти явленія исцѣленій, прозрѣнія и др. естественны, и можемъ надѣяться, что употребляемый для ихъ изслѣдованія методъ приведетъ къ возможно-полному ихъ разъясненію. Въ настоящее время эти чудесныя дѣла гораздо болѣе непонятны, чѣмъ тѣ, которые ихъ совершаютъ. Шлаттеръ несравненно менѣе загадоченъ, чѣмъ его чудеса. Что онъ представляетъ собою? Онъ—не святой, какимъ его считаетъ корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“, и не антихристъ, за котораго его провозгласили пермскіе раскольники ¹⁾, но онъ и не обыкновенный человѣкъ. Мнимый или

¹⁾ „Новое Время“ (№ 7242, 28-го апрѣля (10 мая) 1896 года) говоритъ: „Пермскія Вѣдомости сообщаютъ изъ Югокнауфскаго завода, что помещенныя въ газетахъ статьи объ „американскомъ пророкѣ“ Францискѣ Шлаттерѣ вызвали среди мѣстнаго раскольничьяго населенія сильное возмущеніе умовъ. Раскольники рѣшили, что Шлаттеръ никто иной, какъ антихристъ. Заключенія свои они основываютъ на томъ, что онъ, какъ антихристъ во Священномъ Писаніи, начинаетъ борьбу заманиваніемъ людей своимъ смиреннымъ видомъ, чудесами и т. п. Кромѣ того появленіе антихриста въ лицѣ Шлаттера доказываютъ еще и тѣмъ, что назадъ тому 41 годъ съ неба будто бы упала звѣзда съ хвостомъ (комета), съ появленіемъ

дѣйствительный даръ физическихъ исцѣленій всегда соединяется съ нѣкоторыми психическими особенностями въ субъектѣ. Два свойства оказываются очень часто присущими имъ: необычайная кротость и необычайное упрямство. Если къ нимъ присоединяются правильное религіозное воспитаніе или по крайней мѣрѣ разумъ, все направляется ко благу. Но тамъ, гдѣ нѣтъ двухъ послѣднихъ благопріятныхъ условій, дѣло рѣдко кончается добромъ. Кроткая настроенность этихъ людей побуждаетъ ихъ искать смысла жизни въ религіи, но ихъ упрямство препятствуетъ имъ довѣриться церковному авторитету. Они ищутъ истины сами, но такъ какъ ихъ духовныя силы далеко не пропорціональны ихъ самомнѣнію, то ихъ мнимое смиреніе приводитъ на путь лжи и гибели. Изъ своего чтенія Елбліи Шлаттеръ вынесъ лишь болѣзненно нервную вѣру въ исцѣляющую силу вѣры въ небеснаго Отца. Древнее августиновское и лютеровское положеніе: „вѣрую, слѣдовательно спасусь“ онъ замѣнилъ вульгарнымъ: „вѣрую, слѣдовательно, выздоровѣю“. И эта вѣра, по его мнѣнію, должна его спасти и отъ послѣдствій неестественно продолжительнаго голоданія и отъ послѣдствій противоестественнаго обжорства. Лучистая ли нервная сила, внушенія ли и самовнушенія (послѣднія несомнѣнно при пользованіи перчаткой), во всякомъ случаѣ нѣчто произвело то, что нѣкоторые стали считать себя исцѣленными Шлаттеромъ, а толпа провозгласила его чудотворцемъ. Восторги и оваціи толпы под-

ніемъ которой, какъ они говорятъ, по Священному же Писанію, и народится антихристъ въ концѣ 77-й седмины (Шлаттеру 41 годъ). Однако распространять свои умствованія раскольникамъ препятствуютъ лица разъясняющія, что антихристъ появится въ Иерусалимѣ, а не въ Америкѣ. Такимъ образомъ мѣстная чайная обратила на себя всеобщее вниманіе; чтобы послушать чтеніе о появленіи антихриста, народъ стекается со всѣхъ концовъ завода и даже изъ смежныхъ селеній“. Должно замѣтить, что провинція вообще—не говоря уже о ея некультурныхъ слояхъ—обнаружила чрезвычайно большой интересъ и вниманіе къ сообщеніямъ о Шлаттерѣ. Даже Губернскія Вѣдомости посвящали ему свои фельетоны. Въ то же время, какъ въ столицахъ публика массами устремлялась на лекціи о „новомъ родѣ лучей“, въ обыкновенно—тихихъ гостинныхъ тихихъ уѣздныхъ и губернскихъ городовъ подъ впечатлѣніемъ статей о Шлаттерѣ велись оживленные разсужденія и споры на тему „есть многое, другъ Горацио, что и не снилось твоей учености“.

няли Шлаттера на такую высоту, на которой не могла не закружиться его слабая голова. Если онъ дѣйствительно имѣлъ даръ исцѣленій, то этотъ даръ оказался для него непосильнымъ. Какъ тяжелая золотая ноша пригибаетъ къ землѣ ся владѣльца, такъ способность Шлаттера, которая должна бы была дать благо многимъ, послужила ему къ его собственной гибели. Опьяненный своими успѣхами и славой онъ окончательно потерялъ разумъ и провозгласилъ себя Христомъ. Послѣ этого ему только и оставались больница или могила.

Шлаттеръ, какъ видно изъ описаній, уже давно старался внѣшнимъ образомъ подражать Христу и кончилъ тѣмъ, чѣмъ часто кончаютъ въ такихъ случаяхъ, отождествилъ себя съ Христомъ. Его безуміе, какъ и безуміе Навуходносора, было естественнымъ слѣдствіемъ самопревозношенія. Но для человѣчества оно опасно, чѣмъ сумасшествіе вавилонскаго царя. Въ кроткомъ молчаніи Шлаттеровъ заключается много громкаго протеста противъ существующихъ законовъ, противъ общественнаго строя, противъ церкви и государства, и за Шлаттерами, побросавъ свои дѣла, женъ и дѣтей, идутъ всегда горячіе и неразумительные люди уже безъ дара исцѣленій, но съ обличеніями и съ большою способностью разрушать. Вотъ почему Писаніе и предостерегаетъ насъ строго противъ лжехристовъ и лжепророковъ.

Не довѣряйте чудесамъ и знаменіямъ, предостерегаетъ насъ Писаніе. Для блага слабого, немощнаго человѣчества, безсильнаго въ борьбѣ съ надвигающимся на него отовсюду зломъ міра, чудеса необходимы и они совершаются силою Божіею и даръ чудотвореній подается святымъ Божиимъ ¹⁾. Но разумъ человѣческій слишкомъ слабъ и онъ легко можетъ принять естественное за чудесное и человѣческое за Божественное. Вотъ почему людямъ и указывается иной признакъ, по которому должно узнавать истинныхъ учениковъ Христовыхъ, у которыхъ должно учиться и за кото-

¹⁾ О необходимости чудесъ для блага человѣчества см. нашу статью „Чудо и наука“ (Богословскій Вѣстникъ, 1893 г., № 6); о томъ, что съ святостью и нравственнымъ совершенствомъ связывается даръ чудотвореній см. кн. Шаффа „Jesus Christus, als Wunder der Geschichte. Есть въ русскомъ переводѣ „Иисусъ Христосъ, какъ чудо исторіи“.

рыми должно слѣдовать. „О семь разумѣютъ вси, говоритъ (І. Христосъ), яко Мои ученицы есте“ (Іоан. XIII, 35) „Что же, скажи мнѣ, спрашиваетъ Златоустъ ¹⁾, значить— о семь“. О воскресеніи ли мертвыхъ, или очищеніи прокаженныхъ, или изгнаніи бѣсовъ? Нѣтъ, говоритъ Онъ; и умалчивая о всемъ этомъ, присовокупляетъ: „о семь разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою“. Такія дѣла суть дары одной вышней благодати, а любовь есте добродѣтель, зависящая и отъ человѣческаго усердія. Человѣка доблестнаго обыкновенно отличаютъ не столько дары, посылаемые свыше, сколько заслуги его собственныхъ трудовъ. Потому Христосъ и говоритъ, что Его ученики узнаются не по знаменіямъ, а по любви. Когда есть любовь, то стяжавшій се не имѣетъ недостатка ни въ какой части любомудрія, но обладаетъ всецѣлою, все-совершенною и полною добродѣтельною; равно какъ безъ нея онъ лишается всѣхъ благъ. Поэтому и Павелъ восхваляетъ и превозноситъ ее, или вѣрнѣе сказать, сколько бы онъ ни говорилъ, никогда не въ состояніи вполне выразить ея достоинства“.

Таковъ завѣтъ великаго отца православной церкви. Не увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія, не удивляться чудесному, какъ удивляются дѣти фокусамъ, должны мы, но мы должны возгрѣвать въ своемъ сердцѣ вѣру и любовь и должны наиболѣе молить Отца Небеснаго не о томъ, чтобы были исцѣлены наши тѣлесныя немощи и недуги, но о томъ, чтобы были очищены и освящены наши сердца. Чистое сердце чистаго человѣка есть болѣе чудо, чѣмъ тысяча исцѣленій неизлечимыхъ болѣзней.

С. Глаголевъ.

5 мая 1896 г.

¹⁾ Творенія св. Іоанна Златоуста. Противъ Аномеевъ, стр. 484. Томъ I, книга 2. 1895 г.